

Ценности и смыслы. 2025. № 4 (98). С.131–136.

Values and Meanings. 2025. No.4 (98). P. 131–136.

УДК 130.2

DOI:10.24412/2071-6427-2025-4-131-136

О гностицизме в культуре и искусстве

Казин Александр Леонидович

Доктор философских наук, профессор, научный руководитель Российского института истории искусств, профессор Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: alkazin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1740-6448

А. Л. Казин

Аннотация. Статья посвящена анализу основных положений гностической доктрины в культуре и искусстве последних двух столетий. Автор подчеркивает нигилистический характер основного учения гностицизма о неудачном статусе наличного бытия, благодаря чему гностические мотивы в философии и искусстве XX — XXI веков склоняются к всеобщему мироотрицанию. Особенно это проявляется в художественных практиках антропоцентризма, вплоть до самообожествления человека и превращения Бога в ничто.

Ключевые слова: христианство, гнозис, культура, искусство, нигилизм, ничто, отрицание мира, модерн, постмодерн.

Для цитирования: Казин А. Л. О гностицизме в культуре и искусстве // Ценности и смыслы. 2025. № 4 (98). С. 131–136.

ON GNOSTICISM IN CULTURE AND ART

Aleksandr L. Kazin

D. Sc. (Philosophy), Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Scientific Director of Russian Institute of Art History, Professor of St. Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: alkazin@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-1740-6448

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main provisions of the Gnostic doctrine in culture and art of the last two centuries. The author emphasizes the nihilistic nature of the main teaching of Gnosticism about the unfortunate status of existence, due to which Gnostic motives in philosophy and

art of the 20th and 21st centuries tend towards universal world denial. This is especially evident in the artistic practices of anthropocentrism, up to the self-deification of man and the transformation of God into nothing.

Keywords: Christianity, gnosis, culture, art, nihilism, nothingness, denial of the world, modernity, postmodernity.

For citation: Kazin A. L. *On Gnosticism in culture and art // Values and Meanings.* 2025. No.4 (98). P. 131–136. (In Rus).

В последнее время в культурологии и искусствоведении наблюдается интерес к идеям и практикам гностицизма как своего рода «тени» христианства. Очевидно, это связано с кризисным состоянием современного мира вообще. Технический и гуманитарный прогресс западной цивилизации во многом куплен ценой духа — в этом ныне вряд ли кто сомневается, хотя редко в этом признается.

За две тысячи лет существования гностической ереси о ней и в связи с ней написано множество исследований — как полемических, так и апологетических. Новейшая русская работа по гностической тематике — почти тысячестраничный труд доктора философии И. И. Евлампиева «Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории» (СПб., 2024). «Основная мысль этого объемистого сочинения в том, что в мире существуют два христианства — искаженное, исповедуемое официальными церквями (православной, католической и протестантской), и христианство истинное, представленное гностицизмом во всех его направлениях и вариантах, от Маркиона и Оригена до Гегеля. Ницше и Бергсона. С точки зрения гностицизма, человек по своей природе есть якобы божественное существо, оказавшееся под властью злого демиурга. Из указанного ключевого положения книги И. И. Евлампиева вытекают два следствия: во-первых, истинный христианин онтологически сильнее смерти (она для него «условна»), и, во-вторых, он выше земной морали («аморален»), ибо человек-бог бессмертен и безгрешен по определению. Таким образом, вся трансцендентная проблематика христианства переносится автором с неба на землю. Задача человекобога заключается в том, чтобы осознать свою посюстороннюю, «земную» божественность, и, соответственно, обрести всемогущество, бессмертие и счастье здесь, на этой земле, а не где-то там, в некоем сказочном раю, о котором уже две тысячи лет толкует «искаженное» церковное христианство» [4, с. 159].

Не будем здесь специально останавливаться на полемике с подобным пониманием христианства. Достаточно сказать, что человек в христианском вероучении рассматривается как образ и подобие Бога, но не сам

«бог» — тем более, утративший в результате грехопадения своё Ему подобие. Вопрос в том, почему гностические «огненные» и одновременно «смертолюбные» (некрореалистические, танатологические) фантазии обретают столь значимую позицию в культуре/искусстве позднего модерна и постмодерна, а смерть (ничто) оказывается для них едва ли не главным положительным героем?

В принципиальном плане приходится признать, что, начиная с эпохи т.н. Просвещения, действительной религией Европы становится сначала деизм, а затем атеизм, что и зафиксировано Ницше в его знаменитой формуле «Бог умер». Как следствие, на рубеже XIX — XX веков в Европе складывается некая темная область культурно-художественных практик, которая по-разному именуется в современных текстах — чаще всего её называют «актуальным искусством», но которая своим глубинным основанием имеет духовное и онтологическое *Ничто*. Ещё Парменид полагал, что бытие есть, а небытия нет, однако затем в истории мысли появилось немало нигилистических (*nihil* — ничто) повествований, вплоть до гностических версий, что сам Бог есть ничто, порождающее из себя всё. Между тем, с христианской точки зрения, Бог-Творец есть полнота блага, который дарит миру бытие по любви, а не в силу какого-то внутреннего изъяна (темный демиург, падение Софии и т. п.). Конечно, Бог есть *всевозможность*, в том числе и возможность невозможного — в таком случае ничто возникает по Его попущению именно как *ме-он* (не-сущее), бытие с отрицательным знаком.

Именно с таким темным анти-бытием имеет дело «актуальное искусство», осознает оно это или нет. Впрочем, в лице некоторых теоретиков — вполне сознаёт. Так, по мнению специалиста по постмодерну Е. Ю. Андреевой, нынешнее «искусство больше всего походит на шагреновую кожу, которая сжимается, приближая собственное исчезновение и смерть своего владельца. И здесь как раз появляется нечто объединяющее: серьезное современное искусство живет, как принято полагать, осознанием собственной смерти. Именно смерть как одна из версий непредставимого является его предметом и целью» [1, с. 3–4]. При всем многообразии и разноликости указанного «актуала», по существу, он удивительно монотонен, так как единственным его метафизическим предметом и целью является упомянутое Ничто как тень смерти на лице самообожествленной твари.

Об универсальности гностической версии мироздания и человека

свидетельствует проведенное в фундаментальном труде Э. Фёгелина разделение гностицизма на две формы — «трансценденализирующую (как в случае гностических сект поздней античности) и имманентизирующую (как в случае марксизма, позитивизма, сциентизма, нацизма, экзистенциализма, для которых характерна предельная реализация человеческого существования и общества внутри материального мира девиантного типа мышления, претендующего на абсолютное познавательное (и художественное — АК) овладение реальностью» [6, с. 84]. Проще говоря, гностик берет на себя переустройство («переучреждение») неудачного земного существования, не доверяя его совершенствованию никому. В данном пункте, по нашему мнению, необходима оговорка относительно различия между западным, проектно-технологическим подходом к бытию как «подручному» (М. Хайдеггер) материалу для человекобога (продукт просветительского модерна) — и русским, православным по происхождению философским и художественным способом сотворчества перед лицом Бога (классика). В том числе и тем, который в начале прошлого столетия называли софийностью и теургией.

В этой связи особого упоминания заслуживают такие фигуры Серебряного века, как Владимир Соловьев, Павел Флоренский и Николай Бердяев. При всем своём интеллектуализме, во многом связанным с европейским гностическим наследием, три названных мыслителя-художника (в русской традиции — философия и искусство неразделимы) в основном исходили именно из предстояния верующего разума Богу-Творцу. «Бесспорно, что София в качестве «четвертого лица» христианской Троицы — это ересь. Но София как отблеск небесного сияния в земном творении — это реальность, доступная философскому и художественному созерцанию» [3, с. 17]. О ней слагал стихи Соловьев, мыслил Флоренский в своей «обратной перспективе», её имел виду Бердяев как «смысл творчества».

Как писал А. Ф. Лосев — последний классический мыслитель не только в России, но, возможно, и в мире: «кто во что влюблен, тот и превозносит объективность соответствующего предмета своей любви. Вы влюблены в пустую и черную дыру, называете её «мирозданием», изучаете в своих университетах и идолопоклонствуете перед нею в своих капищах. Вы живете холодным блудом оцепеневшего мирового пространства и изучиваете себя в построенной вами самими черной тюрьме нигилистического естествознания. А я люблю небушко, голубое-голубое, синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное, ибо и сама мудрость, София,

Премудрость Божия голубая-голубая, глубокая-глубокая, родная-родная» [5, с. 530]. Стоит заметить, что в тот год, когда Лосев опубликовал эти строки, исполнилось 15 лет самой знаменитой, наверное, темной дыре в мире — «Черному квадрату» Малевича — этой «иконе небытия», финальному аккорду гностического модерна начала XX века, нареченному автором «царственным младенцем» и даже «самим Христом».

Что касается более поздних этапов отечественного гностицизма, то, бесспорно, центральной его фигурой в литературе оказывается Юрий Мамлеев. Его роман «Шатуны» — детальное описание ада, с привычными русскими именами и адресами пребывающих там действующих лиц. Если у Даниила Андреева в «Розе мира», со всей её инфернальной конкретикой, открываются всё же иные пути светлой направленности, то у Мамлеева таких путей нет и быть не может. Конечно, Мамлеев писал на излете советского периода, когда советская власть, как превращенная форма русской религиозной практики, переживала своё завершение. В отличие от него А. Г. Дугин со своим многотомным учением о Русском Логосе работает в другую эпоху, обещающей возможную альтернативу экзистенциальной черной дыре, притом, что многое в его повествовании вызывает вопросы (например, тезис о том, что русская философия возможна только как философия Хаоса) [2].

Так или иначе, гностицизм — это люциферианское заблуждение духа, отчасти объяснимое у художников и философов, самой структурой творческого акта побуждаемых к сближению и даже к отождествлению себя с Творцом, в том числе путем Его претворения в «ничто». Демонические круги и квадраты не обозначают ничего, кроме пустоты, даже если туда поместить всю русскую революцию (как, например, это сделал В. Пелевин в романе «Чапаев и пустота»). Бог есть любовь, и в нём нет никакой тьмы.

Литература

1. Андреева Е. Ю. Всё и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 581 с.
2. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Альма Матер; Академический проект, 2013. 500 с.
3. Казин А. Л. Логос Серебряного века // Временник Зубовского института. 2021. Вып. 3 (34). С. 9–30.
4. Казин А. Л. Трудно быть богом. (о книге Евлампиева И. И. «Неисказенное христианство и его судьба в европейской истории») // Русская философия. 2024. Вып. 2(8). С. 159–161.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393–599.

6. Фёгелин Э. Политическая теория и паттерн общей истории // Политическая теория в XX веке: Сборник статей / Под ред. А. Павлова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 83–93.

7.

References

- Andreeva E. Y. Vsyo i Nichto. Simvolicheskie figury` v iskusstve vtoroj poloviny` XX veka. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2011. 581 s. [In Rus].
- Dugin A. G. Martin Hajdegger: vozmozhnost` russkoj filosofii. M.: Al`ma Mater; Akademicheskij proekt, 2013. 500 s. [In Rus].
- Kazin A. L. Logos Serebryanogo veka // Vremennik Zubovskogo instituta. 2021. Vy`p. 3(34). S. 9–30. [In Rus].
- Kazin A. L. Trudno by`t` bogom. (o knige Evlampieva I. I. «Neiskazhennoe xristianstvo i ego sud`ba v evropejskoj istorii») // Russkaya filosofiya. 2024. Vy`p. 2(8). S. 159–161. [In Rus].
- Losev A. F. Dialektika mifa // Losev A. F. Iz rannix proizvedenij. M.: Pravda, 1990. S. 393–599. [In Rus].
- Fyogelin E. Politicheskaya teoriya i pattern obshchej istorii // Politicheskaya teoriya v HH veke: Sbornik statej / Pod red. A. Pavlova. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2008. S. 83–93. [In Rus].

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025 и 05.05; принята к публикации 01.07.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025 и 05.05; accepted for publication 01.07.2025.